

Зиновий Сагалов

**Д а л е к а я п а л у б а,
и л и
Я д д л я П е т р а И л ь и ч а**

Криминальная история в 2 частях

Жизнь – это тоже улика.

Артур Миллер

Д Е Й С Т В У Ю Щ И Е Л И Ц А

Чайковский

Его Мама

Антонина Ивановна, жена

Апухтин

Надежда Филаретовна фон-Мекк

Прокурор

Тайный советник

Адвокат

Фанни, гувернантка

Гвоздопятков, сожитель Антонины Ивановны

Дама с зонтиком

Дама с веером

Дама с биноклем

Петя Чайковский, семи лет

Принц на карнавале

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

*Прям и неподвижен сидящий на стуле Ч а й к о в-
с к и й .Курит.Маятник метронома отсчитывает
секунды.*

*Слева рояль, в правом углу ломберный столик с
несколькими стульями.Горит свеча в бронзовом
канделябре, стоящем на рояле рядом с часами.
В дальнейшем по мере необходимости появляются
другие элементы обстановки.*

Ч а й к о в с к и й. Приказали умереть. Апоплексический удар. Либо
инфлюэнца. Либо холера.Выбор за мной. Настаивают на холере.

*В световом луче в разных местах сцены
появляются один за другим П р о к у р о р , А д в о-
к а т и Т а й н ы й с о в е т н и к.*

П р о к у р о р. Натуральнее всего,Петр Ильич,ежели поразмыслить,будет
холера.Ведь ты знаешь,эпидемия косит людей направо и налево.*(Исчезает).*

А д в о к а т *(разворачивая газету).* Именно... Число жертв в Петербурге не-
уклонно растет. За сутки 68 заболевших и 8 умерших.Убийственная
статистика!*(Складывает газету).* Уверяю тебя, Петя, ни одна живая душа не
усомнится, ежели ты...это самое...таким, как говорится, способом...Ну-
ну...Прошу тебя, дорогой, будь мужчиной.*(Уходит).*

Т а й н ы й с о в е т н и к*(вынимая из портфеля аптекарский пузырек).* В
баночке пилюлька. В ротик, водичкой запьешь и часиков через десять-
двенадцать...Симптомы в точности как у холеры. Возьми, Петенька, ну что ты,
право...

*Ч а й к о в с к и й вскакивает,отбегает в
сторону,руки за спиной.*

Не малодушничай, дорогой. Ради твоего же блага. Не тороплю, подумай.
(Ставит пузырек на рояль). Мертвые, как говорится, сраму не имут.*(Удаляется).*

Стучит метроном . Ч а й к о в с к и й медленно, с опаской, приближается к роялю. Протянул руку к пузырьку и тут же отдернул. Наконец превозмог страх и осторожно , двумя пальцами, взял баночку.

Смотрит на просвет, тихонько встряхнул. Возник слабый дребезжащий звук, будто лопнула струна. Звук становится громче, превращается в ужасающий грохот. Сцена погружается в темноту.

Какофонию звуков сменяет зычный корабельный гудок.

Становится солнечно, светло. Часть верхней палубы парохода „ Fürst Bismark“. Тихая музыка, мерный плеск волн, крики чаек. Перед бортом пустая скамейка.

По трапу полнимается Ч а й к о в с к и й. На нем клетчатый сюртук, светлая шляпа.

Ч а й к о в с к и й. В то утро, мой мальчик, я впервые увидел тебя. Мое счастье, мое горе... Я стоял вдалеке и любовался твоими нежными белокурыми локонами, небрежно падавшими на плечи. Ты держал в руках книгу, но, по-моему, не читал. Легкий ветерок теребил страницы, а ты задумчиво и рассеянно глядел на далекий берег, еле видимый в тумане. Какая-то неведомая сила , будто за рукав, потащила меня на другое место, откуда я мог лучше разглядеть тебя. Мой дорогой, мой божественный ! Я замер, очарованный твоей неземной красотой. Приказывал себе уйти и не мог сдвинуться с места. Сколько я так простоял, притаившись за какой-то трубой – одну минуту или целую вечность – не помню... Но вдруг на скамейке, рядом с тобой, появились веселые нарядные дамы... Видимо, вы были знакомы. Они хохотали, рассказывая что-то смешное. Кокетничали , пытались тебя развеселить – одна среди них, с зонтиком, была явно хороша собой, но ты не отвечал взаимностью. Даже , как мне показалось, отстранялся от них . И когда та, что с зонтиком , легко, словно невзначай, прикоснулась к тебе щекой, ты вдруг дернулся, вскочил и убежал. Ты должен был пройти мимо меня. Отойти в сторону я уже не мог. Сердце мое бешено колотилось. Чуть приостановив шаг, ты взглянул на меня из глубины своих бездонных привораживающих васильковых глаз, встряхнул головой, откинув назад волосы и... но , может быть, мне только показалось... улыбнулся. Правда, ведь ты улыбнулся, да?. И пошел дальше. Только миг мы глядели в глаза друг другу. Но это было мгновение абсолютного счастья...

У скамейки появляются три ДАМЫ. На них легкие открытые платья. Одна из них поигрывает зонтиком, другая обмахивается веером, третья, облокотившись на борт, разглядывает дали в бинокль.

Дама с зонтиком. Убежал мальчик!
Дама с веером. Быстрее лани... *(Смеется)*. Даже книгу забыл.

Дама с зонтиком. Так чмокнуть хотелось, а он...

Дама с биноклем. Вспугнула юного графа.

Дама с зонтиком. Не графа – принца.

Дама с веером. Я бы сказала – принцессы!

Хохочут.

Дама с биноклем. Фиаско, сударыни, полнейшее фиаско.

Дама с зонтиком *(таинственным шепотом)*. Поглядите - ка налево... *(Показывает глазами)*.

Дама с веером. Ой!.. Да это же сам Чайковский!

Дама с веером. О!

Дама с биноклем.. А вы разве не знали? Он плывет с нами от самого Лондона. Мне даже удалось с ним познакомиться.

Дама с веером. А я его ни разу не видела. Ни в салоне, ни в кают-компании.

Дама с биноклем *(громко)*. Господин Чайковский! Петр Ильич! Пожалуйте к нам! *(Машет рукой)*.

Чайковский без видимого желания направляется к скамейке. Раскланивается с дамами.

Дама с зонтиком. С нами на «Бисмарке» плывет великий человек, а я, например, даже не знала об этом.

Чайковский *(с улыбкой)*. Вот мы и познакомились.

Дама с веером. Вы, наверное, много работаете, Петр Ильич? С утра до вечера затворничаете в своей каюте?

Чайковский. Нет, почему же? И гуляю, и воздухом дышу. Как и положено пассажиру.

Дама с веером. Здесь мы вас видим впервые.

Чайковский. Правда ваша, я большей частью по нижней палубе прогуливаюсь.

Дама с биноклем. Боже! Что там хорошего?

Дама с зонтиком. Эмигранты, цыгане! Бродяги всякие! Фи!

Дама с биноклем (*зажимая пальчиками нос*). А запахи, пардон?
Ужас!

Дама с веером. Этим оборванцам ничего не стоить вас обругать или обидеть. Ведь им невдомек, кто вы есть.

Чайковский. Вот и прекрасно!

Дама с веером. Нет, Петр Ильич, не лишайте нас своего общества.

Дама с зонтиком. Мы будем каждый день ждать вас на верхней палубе.

Дама с веером. Признайтесь, Петр Ильич, от кого вы так тщательно прятались?

Чайковский смущен, пожимает плечами.

Дама с биноклем. Не томите, дорогой Петр Ильич! Ну от кого? От кого же?

Дама с веером. Надеюсь, не от нас!

Чайковский медлит с ответом. Заметил лежащую на скамейке книгу, взял ее в руки, листает.

Дама с зонтиком. В самом деле, от кого же может прятаться великий Чайковский?

Чайковский. Наверное, от самого себя...

Дама встречают эту реплику смехом. Они о чем-то наперебой говорят Чайковскому, оживленно жестикулируют.. Погруженный в себя, он слышит одну лишь музыку. Сгущается темнота. Сначала исчезают Дама, луч света еще некоторое время задерживается на Чайковском. И гаснет.

2.

За ломберным столиком Адвокат, Прокурор и Тайный советник. Адвокат тасует колоду и раздает карты игрокам. Идет игра.

Прокурор. Не ожидал, господа, такого натиска! Какой афронт!

Тайный советник (*глядя в карты*). Пас.

Адвокат. Можете взять реванш, ваше превосходительство.

Прокурор. Как вам нравится: обремишили меня в пяти червах без трех!

Тайный советник. У меня проходная масть. Играем.

Появляется Чайковский.

Прокурор. При своих.

Чайковский. Это случилось вскоре после моего приезда. Они пришли ко мне в седьмом часу. Все трое были моими однокашниками, учились когда-то в годы оны в Училище правоведения. Я их не ждал, но был рад сердечно. Мы пили легкое испанское вино, сыграли несколько робберов. Намечался вроде бы вечер приятный во всех отношениях. То один, то другой из нас извлекал из памяти картинки отлетевшей юности.

Адвокат. Никогда не забуду, господа, как Петя сдавал латынь нашему... господи, память отшибло, как же его?

Прокурор. Адам Адамыч!

Адвокат. Точно!

Прокурор. Царство ему небесное, чудный был старикашка.

Адвокат. Вытащил Петя какой-то там билет, семнадцатый, допустим... Сидит, готовится вроде бы. А сам руку в карман и считает про себя... (Показывает). Шесть, семь, восемь... У него в кармане, господа, на каждый билет шпаргалочка была заготовлена. Считает, считает – сбился бедняга... Снова: десять, одиннадцать, двенадцать...

Гости смеются.

А наш Адамыч, не будь дураком, очки напялил, узрел сие безобразие да как ринется к нему! Вы бы, кричит, милостивый государь, хоть бы считали ваши шпаргалки по латыни! А Петя ему на чистейшем «парле франсэ»: ан, де, труа, катр..

Все, кроме Чайковского, хохочут.

Прокурор. Читали в газетах, Петр Ильич, про твой славный вояж в город Лондон. Про концерты твои, каковые фурор произвели в холодной английской столице. Про то, что в Кембридже тебе присудили степень почетного доктора музыки.

Адвокат. И мантию подарили, да? И шапочку?

Прокурор (Адвокату). Помолчи. (Чайковскому). Прославил ты музыку русскую, Отечество наше. Спасибо тебе великое, Петя, и низкий поклон.

Чайковский. Будет вам панегирики петь. Не для этого же, полагаю, собрались?

Прокурор (скорбно). Ты прав, Петр Ильич, не для этого.

Чайковский. Тогда не будем терять времени. Есть кьянти, есть малага десятилетней выдержки...

Прокурор властным жестом останавливает его.

Прокурор. Погоди, Петя. О другом потолковать надо.
Для того и явились к тебе. Не по своей воле, учти. По распоряжению свыше.
Кто, что – не суть важно. Сядь и расскажи нам как своим друзьям обо всем случившемся на обратном пути из английской столицы.

Тайный советник. На пароходе «Бисмарк».

Адвокат. Все, что там было, Петя. На «Бисмарке».

Чайковский. Вроде бы ничего особенного.

Тайный советник. А все-таки?

Чайковский. Это что, допрос?

Прокурор. Возможно. Мы люди судейские.

Тайный советник. Но пока без протокола.

Адвокат. Как говорится, между нами. Энтер ну.

Чайковский. Коли допрос, то я, стало быть, преступник?

Прокурор (с *тяжким вздохом*). Именно, Петр Ильич. В Уложении о наказаниях и статья соответственная имеется.

Тайный советник. Ежели помнишь, девятьсот девяносто пятая.

Чайковский. И вы явились судить меня?

Прокурор. Спасать, Петя.

Чайковский (*трясет аптекарским пузырьком*). Вот этим? Да?

Звук лопнувшей струны.

(*Криком*). Пришли убить Чайковского? За что?!

Звук усиливается, невероятный грохот.

Становится темно.

3.

Свет падает на ломберный столик. Сейчас он накрыт скатертью. На нем начищенный до блеска самовар.

Женщина в шляпе с вуалью пьет чай из блюдечка.

Чайковский за роялем, тихая музыка.

Чайковский. Такой вот был разговор, мой мальчик, вернее, приговор. Зачем я тебе пишу? Сам не знаю. Вряд ли письмо мое попадет к тебе, его просто уничтожат после моей смерти. Пишу, чтобы не чувствовать себя совсем одиноким в эти последние минуты... А умирать, мой золотой, совсем не хочется, правда, ох как не хочется – еще столько эмбрионов в голове вызревает. И неплохих, уверяю тебя. (*Поймал какую-то мелодию, рука привычно потянулась к листам нотной бумаги, стал поспешно что-то записывать, потом, спохватившись, швырнул карандаш, скомкал бумагу и горько рассмеялся*). Это уже ни к чему. Бал окончен, свечи гаснут... А ведь знаешь, я уже как-то пытался

уйти из жизни. Так что это мне не впервой. Причем сам, без принуждения. Был тогда в совершеннейшем отчаянии, топиться надумал... Да, да...

Ж е н щ и н а. Ты, Петенька, глупенький был в ту пору.

Ч а й к о в с к и й (*вздрыгнув от неожиданности*). Что?! (*Выскочил из-за рояля, подошел к столу*). Кто вы такая?

Ж е н щ и н а. Не признал, значит..

Ч а й к о в с к и й (*усмехнулся*). Если смерть, то рано еще, рано.

Ж е н щ и н а хохочет.

Ж е н щ и н а. Смерть!. Сбрендил ты вовсе на старости лет. Я, Петя, жена твоя. Законная. Тобой в одночасье брошенная. (*Резким движением откинула вуаль*). Чайковская я, Антонина Ивановна, в девичестве, если помнишь, Милюкова.

Встала и, поигрывая бедрами, с улыбкой, приближается к опешившему Чайковскому. Протягивает к нему руки. Он в ужасе отступает.

Здравствуй, голубчик. Сколько годочков пролетело, ужас, а вот люблю тебя по-прежнему, как в те годы девические. Помнишь? Ну скажи, Петечка, или забыл, родненький ты мой!

Ч а й к о в с к и й. Покиньте, пожалуйста, мой дом. (*Громко и властно*). Прошу вас, немедленно уйдите!

А н т о н и н а И в а н о в н а. Ежели я завсегда в мыслях твоих, то куда же я, черт побери, от тебя денусь? (*Хохочет*). Завсегда с моим муженьком. С того самого первого дня, как увидела тебя в консерватории. Красивый, помню, статный такой, борода русая, шелковая, а глазки... Кто такой, спрашиваю. Преподаватель, говорят, и музыкальный сочинитель - молодой, но шибко талантливый. А сюртучок-то, примечаю, ветхонький, локоточки заштопаны. Да кое-как, не женскою рукой. Как же, думаю, к тебе подступиться? Я-то в классе у другого профессора. Решила излить свои любовные чувства на бумаге меловой. Так, мол, и так, пишу, милостивый государь Петр Ильич, часто встречаю вас, однако же не осмеливаюсь подойти. Но чувствую, что люблю вас так, как никого до этого не любила. Я без вас жить не могу, но не подумайте плохо: я вполне порядочная девица, но стеснительная и законфузливая очень. И внизу, как сейчас помню, напи- сала громадными буквами: «горячая поклонница вашей божественной музыки».

Ч а й к о в с к и й. Ложь! Ложь! Как оказалось впоследствии, она не знала ни одного из моих сочинений!

А н т о н и н а И в а н о в н а. Беда какая, подумаешь! Проживи мы с тобой не три дня, а как людям положено – всю жизнь, от колец обручальных до могилы гробовой, нашлось бы время и все твои опусы на память выучить.

Ч а й к о в с к и й (*в зал*). В это самое время, мой дорогой мальчик, я был захвачен новой оперой. Был как в бреду, видел перед собой лишь Татьяну и

Онегина. И не только забыл о госпоже Милюковой, но даже потерял ее письмо или запрятал так хорошо, что не мог его найти.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Знать, карта моя не в масть легла.

Ч а й к о в с к и й. Вспомнил о ней, только получив второе письмо. Оно было написано с обидой на мое невнимание.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Ага.. Я закапала слезинками каждый листок. *(Притворно хлюпает носом)*. Вы заставили меня горько плакать, дорогой Петр Ильич, не ответив на мое душевное послание... *(Вытирает глаза платочком)*. А я не в состоянии ни забыть, ни разлюбить вас. Бог знает, может быть вы считаете меня за ветреницу и легковерную девушку и потому не имеете веры в мои письма. Могу вас уверить в том, что я порядочная и честная девушка в полном смысле этого слова и не имею ничего такого, что я хотела бы от вас скрыть. Первый поцелуй мой будет дан вам и более никому на свете. Жить без вас я не могу, а потому, может быть, скоро покончу с собой. Не хочу жить! Не хочу! *(Плача убегает)*.

Ч а й к о в с к и й. Я читал письмо госпожи Милюковой, а передо мной стояла Татьяна. Как живая, страдающая от того, что Онегин не ответил на ее письмо. А чем ты лучше этого фата, укорял я себя. Ты поступил бессердечно, она любит тебя, как пушкинская Татьяна этого надменного гордеца Онегина, а ты? Лицемер и подлец!. Долг чести твоей немедленно повидаться с этой девушкой!

Свет уходит от него .Освещен столик с самоваром .А н - т о н и н а И в а н о в н а занята сервировкой –ставит шампанское, конфеты , печенье. Напеваёт какой-то романс.

Появляется Ч а й к о в с к и й. На нем легкое светлое пальто, цилиндр, в руках трость.

Некоторое время они молча смотрят друг на друга.

А н т о н и н а И в а н о в н а *(трепещет от счастья)*. О! Петр Ильич! Петр Ильич! Как я рада, что вы пришли ко мне в гости.

Ч а й к о в с к и й. Здравствуйте ,Антонина Ивановна.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Добрый вечер.

Ч а й к о в с к и й. Добрый...

Пауза. А н т о н и н а И в а н о в н а помогает ему раздеться и приглашает к столу. Наливает из самовара чай.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Извольте варенье откусать, Петр Ильич.

Ч а й к о в с к и й. Премного благодарен.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Из брусницы, Петр Ильич. Маменька сварили в прошлом году. С гвоздичкой и корицей.

Ч а й к о в с к и й. Отменный вкус.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Правда? А вот еще виноградное.Позволите?
(Накладывает в розетку, ставит перед ним). А это как?

Ч а й к о в с к и й. Сладкое.

А н т о н и н а И в а н о в н а. На один стакан ягод полстакана сахара.Да еще сироп добавить следует ,тоже сладенький , и ягоды в него опустить..

Ч а й к о в с к и й. Любопытно.Ваша маменька мастерица.

А н т о н и н а И в а н о в н а. А вот и ошиблись, Петр Ильич: виноградное как раз я готовила.

Ч а й к о в с к и й.Вот как.Выходит, вы тоже искусница порядочная.

А н т о н и н а И в а н о в н а.Да я бы для любимого человека, Петр Ильич...Уж не знаю, что сотворила бы – лишь бы ублажить.Девушка хозяйственная, чтоб вы знали. Не фуфы-нуфы какая-нибудь, да-да... Моя мечта девичья- составить счастье человеку ,которого полюблю. Не сомневайтесь.

Ч а й к о в с к и й. Ничуть не беру под сомнение искренность ваших слов, Антонина Ивановна, но должен вам признаться. Я совсем не такой, каким вы меня , вероятно, рисуете.Человек я ужасно нервный, раздражительный .

А н т о н и н а И в а н о в н а. А я сама кротость, Петр Ильич.

Ч а й к о в с к и й. У меня, скажу вам, тяжелейший, скверный характер.По пустякам, бывает,я ...ух как могу,знаете..

А н т о н и н а И в а н о в н а. Своему избраннику я готова прощать любую обиду.

Ч а й к о в с к и й. К тому же я беден, Антонина Ивановна. Пятьдесят рублей в месяц ассигнациями . Как же , сами посудите, можно решиться на создание семьи?

А н т о н и н а И в а н о в н а. И это не беда. Маменька моя , вдова, имеет лес большой возле Клина.Не худо бы его продать –были бы только счастье да любовь!

Ч а й к о в с к и й.Да вот любить-то я как раз не умею, Антонина Ивановна. Ни к кому, понимаете, не привязываюсь и вообще...

А н т о н и н а И в а н о в н а. И зачем вы себя так черните,Петр Ильич? И характер, мол, несносный, и бедный вы, и любить не умеете...Наговариваете на себя напраслину.Зачем? А все от деликатности вашей,Петр Ильич, происходит. От скромности.И сердце у вас,знаю, отзывчивое,нежное. И привязаться вы сможете к любимой девушке, и любить ее –правда ведь?Да,да!(Перегнулась через стол и потянулась губами к оторопевшему Ч а й к о в с к о м у).

Свет тут же гаснет.

4.

Ч а й к о в с к и й на стуле. Глядит прямо перед собой.Курит.Кольца дыма.Метроном.

Ч а й к о в с к и й. Через несколько дней снова письмо. Читаю раз, другой- не верю собственным глазам. (*Расстегивает пуговицу на воротнике, ослабляет галстук, вынимает из кармана конверт, разворачивает письмо*). Вот, черным по белому -подлинные слова :«Если вы были у меня, Петр Ильич, девушки честной и одинокой, то тем самым вы уже связали наши судьбы .Или вы сделаете меня своей законной женой или... я покончу счеты с жизнью. У меня еще никогда не было в гостях холостого мужчины».

*Громкий смех, прерываемый хриплым кашлем.
Луч света падает на лежащего на диване А п у х т и н а. Он в голубом с золотом шлафроке , в руке длинный чубук. Горит свеча в бутылке из-под вина .
Другая, початая уже, стоит рядом на ночном столике.
Неуют богемного холостяцкого быта, тут и там разбросаны листы бумаги, валяются чулки , шлепанцы, раскрытые книги.
Опершись на локоть, А п у х т и н продолжает хохотать. Пытаясь что-то сказать, захлебывается едким кашлем.*

А п у х т и н. Да-а , обмишурился ты, брат. Головушке твоей конец, это как пить дать.

Ч а й к о в с к и й. Не делай из этого трагедию.

А п у х т и н. Напротив. Я, как видишь, смеюсь. Влип ты , как говорится, по самые-самые!... (*Хохот снова забирает его*).

Ч а й к о в с к и й. Она вообще-то, знаешь, ничего...

А п у х т и н. Уговорить себя хочешь?

Ч а й к о в с к и й. Милостивая, порядочная... Дом вести будет...

А п у х т и н (*настороженно*). Ты что , сударь, серьезно?

Сунул ноги в туфли и подошел к Ч а й к о в с к о – му.

А п у х т и н. Она ведь дура. Ду-ра!

Ч а й к о в с к и й. Не говори так, Алексей. Ты ведь ее совсем не знаешь. И притом... притом это оскорбительно. И не только для нее.

А п у х т и н. Ах, и для тебя тоже? И ты посчитал нужным обидеться? Вот это, Пьер, уже начало трагедии. Твоей.

Ч а й к о в с к и й. Мне тридцать семь. Посуди. Не пора ли строить свой очаг?

А п у х т и н. Надеть хомут ради этой дуры с брусничным вареньем?

*Ч а й к о в с к и й , заметно взволнованный,
ходит взад-вперед по комнате.*

Ч а й к о в с к и й. Почитал бы письма моего старого восьмидесятилетнего отца. И он , и мои близкие умоляют меня жениться, создать семью.

А п у х т и н. Нарожать детей, играть с ними в казаков-разбойников, да? Или гоняться с сачком за бабочками?

Ч а й к о в с к и й. Хотя бы. Век мне что ли бобылем жить? Ведь я человек, мне тоже хочется простого человеческого счастья.

А п у х т и н. Прости, Пьер, ты хотя бы догадываешься, для чего мама произвела тебя на свет божий? Не знаешь? Тогда слушай, дорогой. Чтобы твоим именем гордилась русская музыка. И все мы, человеки русские.

Ч а й к о в с к и й присаживается на диван.

Ч а й к о в с к и й. Что делать, что делать, ума не приложу.

А п у х т и н (*садится рядом с ним*). Пьер, милый... Вспомни двух чудных юношей, их рядом стоящие кровати в дортуаре училища. О чем шептались они до поздней ночи, о чем грезили, сплетая во тьме свои горячие грешные руки? (*Пауза*). Позволь процитировать себя, любимого... « Ты помнишь, как забившись в музыкальной, забыв училище и мир, мечтали мы о славе идеальной...»

Ч а й к о в с к и й. «Искусство было наш кумир.» Какие стихи ты писал, Леля! Волшебные, они сами ложились на музыку.

А п у х т и н достал с полу гитару, сдул с нее пыль и взял несколько аккордов. Оба негромко, задушевно запели.

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!..

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

А п у х т и н (*ударив пальцами по струнам*). И ты, предатель, хочешь все это забыть?

Ч а й к о в с к и й. Прости, Леля... Но мне кажется... Ты немножко ревнуешь меня к этой... моей новой знакомой.

А п у х т и н. Немножко? (*Берет его руки в свои. Проникновенно*). Я не отдам тебя ей. Слышишь?

Ч а й к о в с к и й мягко , но настойчиво
освобождается. *Встает с дивана. А п у х т и н* не
спускает с него глаз.

Ч а й к о в с к и й. Нет, Леля, нам следует забыть прошлое, вычеркнуть его из своей памяти. Моя женитьба зажмет рты разной презренной твари, которая шепчется и злословит по поводу моих, да и твоих пороков.

А п у х т и н. На-пле-вать! Я сам свой высший суд!

Ч а й к о в с к и й. Ты прав . И я не дорожу мнением этих шавок. Но они причиняют огорчения людям, мне близким. Саша, сестра моя, обо всем догадывается , я это чувствую, кожей своей. И не только она. Мне тяжело, невыносимо тяжело , что меня жалеют и прощают любимые мною люди, когда я в сущности ни в чем не виноват!

А п у х т и н. Думаешь, что женившись ты станешь иным?

Ч а й к о в с к и й. Не знаю, как ты, Леля, но я пришел к выводу, что мои привычки... мои склонности пагубные суть величайшая и непреодолимая преграда к счастью. (*Поднял с пола томик Пушкина, машинально листает*).

А п у х т и н. А ты переделать себя сможешь?

Ч а й к о в с к и й. Должен. Всеми силами, чтобы победить свою природу.

А п у х т и н. Пепиньерка ты наивная! Себя не обломаешь. Да брось ты Пушкина! (*Тянет у него из рук книгу*). Ты в гостях у другого поэта, который еще не сказал своего последнего слова.

Ч а й к о в с к и й , не слушая его, весь во власти
охватившей его музыки, начинает медленно и плавно
кружиться. Глаза его сияют счастьем.

Ч а й к о в с к и й. Тарам-тарам, тарам-тарам... Бал у Лариных... Вальс...
Кажется, придумал... тарам-тарам, тарам-тарам... Лелька, ты слышишь!

А п у х т и н, комично подобрав полы шлафрока, начинает
кружиться вместе с *Ч а й к о в с к и м*, изображая его
«даму». Оба в упоении.

Ч а й к о в с к и й и *А п у х т и н* (*кружась все быстрее и быстрее*).
Тарам-тарам, тарам-тарам!

А п у х т и н. Это гениально! Божественно! Ура Чайковскому! Ура!
(*Порывисто целует его – раз, другой, третий. Упал перед ним на колени, обнимает его*).

Ч а й к о в с к и й (*вдруг опомнившись*). Нет, Леля, встань!
Нет, нет! (*Освобождается от его рук*). Никогда больше! Слышишь? Я делаю ей предложение. Сегодня же! Сейчас! Это судьба! (*Убегает*).

А п у х т и н продолжает стоять на коленях. По его
лицу катятся слезы.

Музыка вальса , подхваченная оркестром ,резко обрывается.Темнота.

5.

*Палуба. На скамейке трое правоведов – П р о к у р о р ,
Т а й н ы й с о в е т н и к , А д в о к а т .*

Т а й н ы й с о в е т н и к . Что же все-таки было,Петя?Здесь,на «Бисмарке»?

Луч света упал на Ч а й к о в с к о г о . Он стоит на ступеньке трапа.

Ч а й к о в с к и й (самому себе,тихо). Сколько раз я выходил на палубу,чтобы вновь встретить тебя,мой мальчик,мой золотой Аполлон. Но тебя нигде не было.Ни на палубе, ни в салоне, ни в курительной .Спросить у знакомых дам,где ты, я не решался.

Т а й н ы й с о в е т н и к . Кончать эту канитель пора.

П р о к у р о р . Нам,понимаешь, все известно, Петр Ильич. Но лучше-откройся сам.

Т а й н ы й с о в е т н и к . Для твоего же блага.

Ч а й к о в с к и й . Сперва я думал, что ты заболел. Продрог, простудился на холодном ветру, бедный ребенок! Высокая температура,может быть ,пневмония-банки, кислородные подушки, боже!Я страдал, мучился от невозможности видеть тебя и хоть чем-то помочь... Потом мне стало казаться, что ни тебя, ни нашей случайной встречи вообще не было,что это все привиделось моему воспаленному воображению. Но ведь у меня была твоя книга-та,которую ты забыл на скамейке!Значит , ты не мираж ,не призрак моих видений.А где-то здесь, рядом...Так минуло два дня.А на третий...Небо с утра было мрачное, серое. Накрапывал дождь. Но мало-помалу погода разгулялась, пассажиры выползли на палубу, и я вновь увидел тебя! Я стоял вдалеке, не осмеливаясь подойти .

П р о к у р о р . Подойди к нам,Петр Ильич.

*Ч а й к о в с к и й поднимается на палубу и
останавливается перед скамейкой.*

Полночи с тобой валандаемся, а все без толку.Упорствуешь, запираешься- это негоже,Петя.

Т а й н ы й с о в е т н и к . Дело твое притормозить мы не можем.

А д в о к а т .Как бы ни хотели.Ибо касается оно птички высокого полета.

Т а й н ы й с о в е т н и к . Слушай со вниманием. Бумага на тебя пошла к самому государю.

А д в о к а т . Истинно так, поверь.

П р о к у р о р. Ты и раньше, Петя, шалил...
Т а й н ы й с о в е т н и к. И с Володей Герардом, и с этим...как его?
А д в о к а т. С Киреевым Сережей.
П р о к у р о р. Про Апухтина уже не говорим. Дружок твой и развратитель
наипервейший.
Ч а й к о в с к и й. Не трогайте Апухтина!
Т а й н ы й с о в е т н и к. Ладно, Петя, не бурли.
Ч а й к о в с к и й. Ко мне пришли –меня и топчите.
П р о к у р о р. На прошлое твое баловство смотрели сквозь пальцы.
Ч а й к о в с к и й. Премного благодарен-с!
Т а й н ы й с о в е т н и к. Прощали тебе .
А д в о к а т. Мол, и на солнце бывают пятна.
П р о к у р о р. Но здесь, на “Бисмарке”, ты хватил через край.
Т а й н ы й с о в е т н и к. Ну, скажи, какого лешего тебя к этому мальцу
потянуло? Ты хоть знаешь, кто он?

Ч а й к о в с к и й молчит.

Племянник графа Стенбока-Фермора!

А д в о к а т. А граф –шталмейстер двора Его Величества . Да, Петя, да, милый, мне тебя от всей души жаль.

Т а й н ы й с о в е т н и к. Граф в ярости настрочил бумагу самому государю. Разумеешь, чем попахивает? Сибирью, братец.

А д в о к а т. Некое лицо, пожелавшее остаться инкогнито, возложило на наши плечи, Петя, сию скорбную миссию. Дабы смягчить гнев государя императора.

Т а й н ы й с о в е т н и к. Неужто публичный суд лучше?

Долгая пауза.

Ч а й к о в с к и й. Я..я приму смерть.

*П р а в о в е д ы с удовлетворением
переглядываются.*

П р о к у р о р. Слово чести?

Ч а й к о в с к и й кивает.

Т а й н ы й с о в е т н и к. Освободил душу. Спасибо, Петр Ильич! Не палачи же мы, правда?

*П р о к у р о р пытается обнять его ,но Ч а й к о в -
с к и й брезгливо останавливает его.*

Ч а й к о в с к и й. В гробу поцелуешь.

П р о к у р о р. Зачем ты так, Петя?

Ч а й к о в с к и й. Пистолет... пистолет лучше мне дайте.

П р о к у р о р. Господь с тобой!

Т а й н ы й с о в е т н и к. А коль полчерепа снесешь? Значит, руки на себя наложил. Вот что народ скажет.

А д в о к а т. Самоубийц как хоронят, знаешь? Без отпевания, как бродяг и собак.

Т а й н ы й с о в е т н и к. А мы тебя в Лавру понесем.

П р о к у р о р. Грандиозные похороны устроим. Вся держава бескрайняя рыдать будет. От мала до велика. Траурные венки, речи, колокола на всех церквах надрывают сердце...

Ч а й к о в с к и й резко разворачивается и уходит.

Издали доносится зауспокойный колокольный перезвон.

П р а в о в е д ы истово крестятся.

6.

Венчание. Ч а й к о в с к и й и А н т о н и н а И в а н о в - н а стоят рядом. На ней подвенечное платье и фата.

Он вовсе не похож на жениха: волосы разлохматились, он мрачен, напряжен, не знает, куда девать руки.

Погребальные раскаты колоколов все еще звучат в его ушах.

А н т о н и н а И в а н о в н а, напротив, вся переполнена торжеством брачного обряда.

Г о л о с с в я щ е н н и к а. Венчается раб божий Петр рабе божьей Антонине!

А н т о н и н а И в а н о в н а (*шепотом*). Ты будто не рад, Петенька.

Какой ты у меня впечатлительный. Не волнуйся, все у нас будет хорошо.

Г о л о с с в я щ е н н и к а. Венчается раба божья Антонина рабу божьему Петру.

Вступают певчие.

Ч а й к о в с к и й. Я все продолжал быть как бы в чаду. Венчали нас в малой церквушке, подальше от посторонних глаз. В голове молотом чугунным стучала мысль: сейчас ты должен будешь поцеловать свою жену... сейчас... поцеловать... жену... сейчас...

*За спинами жениха и невесты появляются А п у х -
т и н, п р а в о в е д ы , корабельные д а м ы. У
некоторых в руках цветы.*

Г о л о с с в я щ е н н и к а. Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать друг друга.

*А н т о н и н а И в а н о в н а с готовностью
подставляет губы для поцелуя. Ч а й к о в с к и й за-
стыл как в столбняке. А н т о н и н а И в а н о в н а ,
неестественно улыбаясь, тайком теребит его за
рукав.*

Т а й н ы й с о в е т н и к. Ну, Петя!

П р о к у р о р. Целуй!

А д в о к а т. Аки мумия египетская!

А п у х т и н (зловеще). Природу не обломаешь.

*Ч а й к о в с к и й вздрогнул при этих словах.
А н т о н и н е И в а н о в н е удастся ,
наконец, вцепившись за отвороты сюртука,
притянуть к себе Ч а й к о в с к о г о и впиться в
него, несчастного, жадными губами . Все, кроме
Апухтина, выражают шумный восторг.*

А н т о н и н а И в а н о в н а (громко вдохнула воздух, пожевала губками и
шутливо погрозила Ч а й к о в с к о м у пальчиком). Шалун... Я тебе дам
кусаться! (Падает ему на руки) . Неси, Чайковский , свою Чайковскую!

*Ч а й к о в с к и й с перекошенным от ужаса лицом
уносит А н т о н и н у И в а н о в н у под ликующие
возгласы г о с т е й: «Многая лета! Совет вам да
любовь!»*

А п у х т и н сардонически смеется.

*А гулкое эхо многократно повторяет : «Природу
не обломаешь...не обломаешь...не обломаешь».*

*Цветы в руках д а м превратились в пучки хилых
сухих веток.*

А п у х т и н. Против воли моей, против воли твоей
Ты со мною везде и всегда!

Воспоминания унесли его в далекое детство . Чуть преобразилась палуба, и на ней появилась тоненькая как девочка, в розовом с воланами платье и светлом капоре , его гувернантка француженка Ф а н н и.

Ф а н н и (*громко*) .Пье-е-ер!П ь е- е ер!

Входит М а м а.

М а м а. Бонжур, мадмуазель Фанни.

Ф а н н и (*увидев ее*). О, мадам... Бонжур. Ле тэн э манифик ожурдьюи , не правда ли?

М а м а . Погода прелесть, жаль, что Петруша почти совсем не бывает на воздухе.

Ф а н н и. О мадам, с тех пор как вы купили рояль, Пьера словно подменили.

Слышно, как кто-то пытается подобрать мелодию- это ария Церлины из моцартовского «Дон-Жуана».

Слышите, мадам? И так целый день. Вчера, знаете, упрашивала его сыграть с нами в серсо , он ведь так любил раньше. А сейчас... Нет, говорит, милая Фанни, же регре мэ же не пё па, ведь мой друг на меня обидится, если я уйду. Кто обидится, Пьер? Какой такой друг? А он клавиши ладошкой гладит и тихо-тихо говорит: «Вот, мадмуазель Фанни, мой друг единственный , мы с ним поклялись, что будем любить друг друга всю жизнь».

М а м а. Господи, что за причуды у семилетнего мальчика! «Поклялись», «на всю жизнь»! И чуть что – в слезы. Совсем как девчонка.

Ф а н н и. Мадам... (*Она медлит-видимо, подыскивает слова*). Он и одет у нас как девочка, бегают в одних только платьях да сарафанчиках. А ведь совсем уже взрослый мальчик. Если мадам разрешит, я сошью ему чудные панталончики. Вы не против ?

М а м а. Не рано ли?

Ф а н н и. Что вы, он уже должен осознавать себя мужчиной.

М а м а. Же нэ рьён контр , шейте милая Фанни, я всецело полагаюсь на вас. (*Уходит*).

Ф а н н и (*громко*). Пье-ер!

Музыка смолкла.

Появляется маленький П е т я Ч а й к о в с к и й. Он в клетчатом, до щиколоток, платье.

Наконец-то! (*Вынимает из сумочки сантиметр*). Иди сюда. *Измеряет ему талию, записывает данные в блокнотик*). Так, сорок девять.

П е т я. Что ты делаешь, Фанни?

Ф а н н и. Будут у тебя первые брючки-панталончики. Ты рад? (*Измеряет длину ноги от пояса*).

П е т я. Брючки? Зачем?

Ф а н н и (*продолжая обмер*). Будешь, как папа, как другие мужчины.

П е т я. А в платье удобней.

Ф а н н и (*усаживает его на скамейку, садится рядом*). Ты очень странно рассуждаешь, милый Пьер.

П е т я. Ничуть. Ведь ты тоже носишь платье.

Ф а н н и. Мон дье! Но я женщина!

П е т я. И мамочка моя тоже в платье.

Ф а н н и. И она женщина, ты разве не понимаешь.

П е т я. Вы сами не знаете, кто вы. Вы ангелы мои прекрасные, я вас обожаю и хочу быть как вы. Не прогоняйте меня! (*Рыдает, прижав к груди Ф а н н и*).

Ф а н н и (*нежно гладит его по головке*). Глупенький, ты с нами. Всегда, всегда с нами... Ты тоже ангел. Но ангел - мальчик.

П е т я. Мальчик и девочка! Мальчик и девочка! Мальчик-девочка!

8.

Ч а й к о в с к и й за столом. Что-то пишет. За его спиной появляется А н т о н и н а И в а н о в н а. Она в кружевном пеньюаре, распушенные волосы рассыпались на плечах.

Крадучись приближается к нему, с радостным визгом внезапно наваливается на него всем телом и обвивает шею руками.

Ч а й к о в с к и й вскочил, лицо его мучительно искажено, обрывки каких-то слов клопочут на его дрожащих губах. Пытается вырваться из рук жены.

Ч а й к о в с к и й. Руки!.. Уберите руки!

Отчаянно борются.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Еще чего? Я жена твоя! Забыл, что ли? Забыл?

Ч а й к о в с к и й. Оставьте меня!

А н т о н и н а И в а н о в н а. Никогда! Я твоя самая любимая! Самая драгоценная! Самая...

Ч а й к о в с к и й. Замолчите!

А н т о н и н а И в а н о в н а. Что за слова такие? Ты что вчера в храме божьем обещал? Господу нашему? А? Забыл?

Ч а й к о в с к и й с силой отталкивает ее и, схватившись за голову, убегает.

(*Поправляет одежду, волосы*). Ничего, стерпится-слюбится, как маменька изволят выражаться. Ишь, какой! Профессор называется, ком-по-зи-тор. Культурный человек, вроде бы... А на самом деле? Жenuшка прибралась, щечки нарумянила, подушечки пуховые взбила, ждет- не дождется, когда милый явится и честь ее девичью, к обоюдной радости, извлечет и...

(*Мечтательно закрыв глаза, кружится по комнате*). А он? Не слышит его сердце бесчувственное, как другое сердечко рядышком, за стенкою, томится в сладком ожидании. Бесстыдник, сидит себе и свои скерцы назло строчит. (*Подошла к столу, перевернула лежащие там бумаги, вдруг внимание ее привлек какой-то листок. Взяла его, читает*). Вот оно, значит, что! «Дорогая Надежда Филаретовна, пишу Вам...» Так, так.. «Ваш до гроба Петр Чайковский». Ах, ты, мерзавец! Женился на честной, порядочной девице, а сам! Я вот покажу тебе, кто здесь я, а кто эта самая Филаретовна! (*Со злостью рвет письмо*). А вот и ее цидульки! (*Небрежно просматривает их*). Да тут целый роман! А словечки-то какие! «Моя любовь к вам... есть фатум, против которого моя воля бессильна...» Какие пошлости, подумать только! Фатум! Фатум!

Хочет порвать письма, но в этот момент появляется Чайковский.

Ч а й к о в с к и й (*кричит, еле сдерживая себя*). Не смейте! (*Подходит к ней*). Отдайте письма. Да как вы смеете?

А н т о н и н а И в а н о в н а прячет письма за спиной.

Если вы тотчас не вернете мне их, я немедленно... тут же ... вас убью.

Вид его ужасен, она испугана. Меняет тактику.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Петенька, миленький, я ведь пошутила. Неужели ты мог так плохо обо мне подумать? На тебе твои письма... Мне до них никакого дела нет. (*Возвращает ему письма*). Сядь, Петенька, сядь, прошу тебя. Ведь мы же с тобой муж и жена, правда? Зачем же нам ссориться с самого первого дня? Ведь у нас впереди целая жизнь.

Садится. Он продолжает стоять.

Садись, голубчик. В ногах, как маменька выражаются, правды нет.. Сюр ля ше.. Я ведь и по-французскому училась, видишь, какая я образованная... Я ведь про эту Филаретовну и раньше слыхивала. От наших, от консерваторских. Только вот как зовут ее, не знала. Фамилия у нее какая-то заковыристая, не наша.

(Вопросительно смотрит на него).

Ч а й к о в с к и й. Фон-Мекк.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Вот-вот. Немка, что ли?

Ч а й к о в с к и й. Муж ее покойный был немец. Железные дороги строил по всей России.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Сказывают, миллионерша она.

Ч а й к о в с к и й. Не знаю. Не считал.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Она тебе денежки высылает? Да, Петя?

Ч а й к о в с к и й. Надежда Филаретовна помогает многим музыкантам. И мне в том числе. *(Садится за стол, что-то пишет).*

А н т о н и н а И в а н о в н а. Очень благородно с ее стороны. Будешь писать, передавай ей привет и от меня, как твоей законной супружницы. Скажи, а какая она из себя? Красивая? Нравится тебе?

Ч а й к о в с к и й. Мы только пишем друг другу.

А н т о н и н а И в а н о в н а. И ни разу не повидались?

Ч а й к о в с к и й. Представьте себе. Таково было ее желание.

А н т о н и н а И в а н о в н а *(после паузы)*. Знаешь, милый... Коль женщина не желает на глаза показаться, значит, не женщина она, а уродка жуткая. Баба Яга, да и только! Ха-ха-ха!

Ч а й к о в с к и й. Оставьте ее в покое. Вы можете говорить на другие темы? Или – лучше-совсем не говорить.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Чего же ты, Петя, на глухонемой не женился? *(Жестикулирует и верещит язычком)*. Такую женушку хотел, да? Ошибся дорогой мой. У меня и ушко, и язычок и еще кое-что в полной пропорции. Понял?

Встает со стула, становится перед ним в позу и сбрасывает пеньюар

Гляди, какую раскрасавицу в жены взял! Чего глазки отводишь, а? Чулочки, гляди, ажурные. Панталончики кружевные, с секретом. А парфумы-понюхай, одуреть можно. Для кого, скажи, старалась? Для Петеньки моего. А он что же? Ну разве не обидно? Посуди сам, милый. Уже сутки вторые пошли, как мы с тобой муженек и женушка, а вот чего-то у нас до сих пор так и не было. Догадываешься? Скажу тебе на ушко. *(Шепчет)*.

Ч а й к о в с к и й. И не будет!

А н т о н и н а И в а н о в н а. То есть как? Я ведь и в романах читала, и маменька рассказывали. Должна быть первая брачная ночь. Что же мы с тобой, хуже всех? Не люди, что ли?

Ч а й к о в с к и й. Я не способен любить, понимаете?

А н т о н и н а И в а н о в н а. Не понимаю глупостей эдаких и понимать не хочу.

Ч а й к о в с к и й В Ы были предупреждены мною..Я честен перед вами.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Не честность мне нужна, Петенька, а любовь твоя мужская.

Ч а й к о в с к и й. Буду любить, как могу. Как сестру.

А н т о н и н а И в а н о в н а. В такую любовь, Петя, детки играют. И то до пяти годочков. Хочешь, чтобы я тебе нянькой-сестричкой была? А прелести мои пусть гибнут без всякой надобности, да? И ножки эти стройные, и грудочки белые, и губки мои алые, да? Нет, Петя, не на такую напал! Я, чтоб ты знал, женщина страстная. Можно даже сказать, вакхическая! В своей семье я такой любви не потерплю! Так и знай!

*Прыгнула на колени к Ч а й к о в с к о м у ,
стискивает его в объятиях.. Он в ужасе от этой
атаки. Отталкивает жену с такой силой, что она
летит на пол.*

Ч а й к о в с к и й. Я вас убью, Антонина Ивановна! Или лучше самого себя! (Убегает).

*А н т о н и н а И в а н о в н а поднимается с
пола, набрасывает на себя пеньюар.*

А н т о н и н а И в а н о в н а. От законной жены, Петенька, далеко не убежишь. Полюбишь свою красавицу ненаглядную, ох как еще полюбишь!

Затемнение.

9.

*Ночь. Палуба. Вдали мигает огонек маяка. В луче
света Ч а й к о в с к и й.*

Ч а й к о в с к и й. Ужас гнал меня по ночным улицам. Я знал, от кого бегу, но не знал куда. Холодный ветер с дождем хлестал мне в лицо. Я не замечал этого. Я искал смерти. Мне казалось, что только она, единственная, может спасти меня от бесчестия и позора. Ведь виноват во всем был один только я. Значит, и рассчитывать за содеянное надлежит одному мне... Внезапно что-то блеснуло впереди. Лунная дорожка серебрилась на темной воде. Это была Москва-река. (Снимает стюртук, жилет, развязывает галстук. Остается в белой нательной сорочке). Завтра, думал я, мой труп, обезображенный, раздутый, вытянут баграми рыбаки. Протрут грязной тряпицей лиловое мое лицо, выльют воду из ушей и рта, снимут липкие водоросли с бороды. Потом примчится полиция, соберутся

зеваки. И вдруг кто-то скажет невзначай: «Помилуйте, да ведь это Чайковский. Ему бы еще жить и жить, бедолаге. Чего же это он так?»

Подходит к трапу, спускается на одну ступеньку, другую.

Вода была ледяной. Мокрые панталоны облепили окоченевшие ноги. Я мысленно прощался со всеми, кого любил. Отец... Я знаю, сколько горя причиню я тебе. «Что же ты натворил, Петя», - скажешь ты. И заплачешь... Прости за все. Прости...

Опускается еще ниже.

Я заходил все глубже и глубже. Передо мной были лица братьев, сестры Саши. Сколько позора выпадет на их долю. Ведь самоубийц не отпевают, они не предстают перед лицом Бога. Их презирают все. Даже Надежда Филаретовна, лучший друг, отвернется от меня.

Еще несколько ступенек вниз.

Вода подступила уже к самой груди. (Поднимает руки, делает еще один шаг). Еще минута – и меня не будет. Два простых слова: был и нет. Я закрыл глаза и шагнул в глубину...

Мощный музыкальный аккорд. Темнота.

10.

У А п у х т и н а. На сцене пока еще темно. Со свечой в руке появляется А п у х т и н. Он, как обычно, в шлафроке и старых шлепанцах. В другой руке у него поднос с большой фарфоровой чашкой. На цыпочках подходит к дивану, на котором, укрытый до подбородка шерстяным пледом, лежит, закрыв глаза, Ч а й к о в с к и й.

А п у х т и н садится рядом, поправляет плед. Ч а й к о в с к и й открывает глаза.

А п у х т и н. Чай для Чайковского.

Ч а й к о в с к и й мотает головой.

С ромом. Пей, пока горячий.

Ч а й к о в с к и й снова закрыл глаза.

Может, черт возьми, мороженого вам подать, сударь? После ледяной баньки- в самый раз. А ну-ка, открой рот. *(Начинает из ложечки поить Чайковского)*. Шире. Доктор просит шире. Вот так, мерси... А что ежели нам сегодня еще разок баночки поставить?

Чайковский делает отрицательный жест.

Не хочешь? Крупозное воспаление легких лучше? Пепиньерка ты наивная, как же тебя угораздило? А ежели бы тот мужичонка не прыгнул бы с моста и не вытащил бы тебя за уши? Что тогда? А? Лакомились бы тобой сейчас и рыбешки, и раки прожорливые. Осознаешь? Боже ты мой! Наложить на себя руки из-за этой дуры стоеросовой?.. Надеюсь, Пьер, ты уже не становишься на дыбки, когда я называю эту, пардон, сучку, как она того заслуживает.

Чайковский. А мне ведь жаль Антонину Ивановну.

Апухтин (смеясь). Ну и поворотики у тебя!

Чайковский. Женился сдуру, поломал девушке жизнь.

Апухтин. Дай срок-разведем тебя.

Чайковский. А коль не даст развода?

Апухтин. Мы же с тобой правоведа. Хоть и бывшие. Найдем параграф. Пей, пей... Тебе, Пьер, сперва отдохнуть надо. Душу проветрить. План у меня есть, послушай. Махнем с тобой на Север дальний, на Валаам!

Чайковский. На Валаам? Так далеко?

Апухтин. Чем дальше от твоей стервы, тем лучше! *(Берет в руки гитару, тихо наигрывает)*. А там, на острове, сосны высокие к небу тянутся, валуны тысячелетние свою вечную думу думают. И никого, кроме нас. Пустота вокруг звонкая, светлая. Только звезды и Бог. И мы с тобой. Леля и Пьер. А кто нам еще нужен? Кто?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

11.

*На стуле неподвижно сидит Чайковский.
Курит. Стук метронома.*

Ч а й к о в с к и й. Уходила ночь. Укорачивалась с каждой минутой. Сжималась, точно шагреневая кожа. Я поднял шторы. За окнами занимался холодный осенний рассвет.

Появляется П р о к у р о р, подходит к роялю, берет стоящий на нем аптекарский пузырек. смотрит на свет, легонько встряхивает и, с укоризной поглядев на Ч а й к о в с к о г о, беззвучно удаляется.

Я курил свои любимые костанжогловские папиросы, пил легкое испанское вино - мне казалось, что так удастся усмирить безумную скачку сердца.

Подходит к роялю, перебирает лежащие на нем ноты, бумаги.

Нужно было навести порядок в бумагах, внести исправления в клавираусцуг моей последней Шестой симфонии, составить, наконец, завещание. Времени оставалось не так уже много. Но едва я подходил к роялю, все, кроме этой бутылочки с ядовитой пилюлей, уходило от меня. Это был знак бекара, отрицания всего того, что я мог бы еще оставить миру .

Осторожно, руки его при этом дрожат, берет пузырек. Свинчивает крышку. И сразу же: гул, грохот, обвал камней... Бутылочка падает. Ладонями он судорожно закрывает уши. Воцаряется тишина. Подходит к столу, наливает в бокал вина, пьет. Поднимает пузырек . Он пуст. Трясет его, прислушивается. Ни шума, ни грохота-тихо. Сперва на лице его недоумение. Опускается на колени . Шарит под роялем, но ничего не находит. Лицо его проясняется .

Это твой знак, Господи? Да? Я понял Тебя, понял! (Поднимается с колен). Ты не желаешь моей смерти, правда? Я буду жить! Буду писать во славу Тебя! (Садится за рояль, играет. Настроение радостное, приподнятое). О, сколько я сотворю! Ни одной минуты зря!

О Ты, Бессмертный Бог Отец!
Спасает Ты меня!

Продолжает играть, а на палубе высвечивается Ф а н н и, рядом с ней маленький П е т я. На сей раз он в костюмчике.

В руках у Фанни раскрытая тетрадь. Она повторяет только что прозвучавшие стихи.

Фанни.

О Ты, Бессмертный Бог Отец,
Спасает Ты меня...

Трэ бьен, милый Пьер, трэ бьен, весьма похвально. А еще лучше эти строки звучат по-французски, в твоём переводе.

Eternel notre Dieu

C'est Toi qui a fait tout cela!

Думаю, что Пушкин тебя бы поцеловал в темячко. *(Чмокает его с нежностью).*

Петя. Нет, Фанни. Увидел бы он, как я мучаюсь!.. Посмеялся бы только. Так трудно выразить буквами то, что глаза видят. И что во сне приходит... Только звуками можно. Она у меня здесь, эта музыка... *(Обхватывает голову руками).* Здесь, здесь! Только я ее не могу вынуть!

Видение меркнет. А он продолжает играть – широко, мажорно, вдохновенно.

Появляются правоведаы. Тайный советник поднимает баночку, с удовлетворением убеждается, что она пуста, и с улыбкой демонстрирует ее остальным.

Теперь они с восхищенными лицами слушают его игру.

Заключительный аккорд. Аплодисменты.

Прокурор. Bravo, Петр Ильич! Bravo!

Адвокат. Гений! Кого можно сравнить с тобой!

Тайный советник. Теперь, Петя, после того как ты принял пилюлю...

Чайковский. Я не принял ее.

Недоуменные лица, отвисшие челюсти правоведаов. Он любуется произведенным впечатлением и начинает хохотать.

Прокурор. К-а-ак?

Чайковский. Вот так. Я ее потерял. *(Разводит руками, хохочет).*

Адвокат и Прокурор ползают по полу, стараясь найти потерянную таблетку.

Господь спас меня.

Тайный советник. А вот и нет, Петя. Есть запасной вариант. *(Вынимает из кармана коробочку, раскрывает ее).* Вот он.

Адвокат и Прокурор поднимаются, отряхивают брюки.

(Адвокату). Принеси-ка воды. Теперь-то мы все сделаем сами.

Адвокат выходит.

Чайковский *(с задором)*. Может быть, и выпьете тоже сами?

Тайный советник. Эта маленькая пилюлька, Петя, из Англии доставлена. Яд индийского паука. Как говорится, на вес золота. А в чем прелесть? Действует медленно, процесс длится три или четыре дня. И симптомы в точности как у холеры. Комар носа не подточит.

Входит Адвокат с чашкой воды. Хотел было отдать таблетку Чайковскому, но потом, видимо, передумал).

Мы ее в водичке распустим. *(Бросает в чашку таблетку, раздавливает ее ложечкой)*. Вот и все. Ну что ж, Петя, пей чашу сию... *(Адвокату)*. Что стоишь, Лев Аркадьевич? Изволь подать Петеньке.

Адвокат. Нет, нет... прошу вас. *(Дрожащими пальцами ставит чашку на рояль)*.

Тайный советник. Хлюпик ты. А еще Львом называешься.

Адвокат. Пусть их высокопревосходительство возьмет.

Прокурор. Еще что! У меня, брат, сердце. Забыл, что ли?

Замешательство. Пауза.

Чайковский берет чашку, подносит к губам. Все замерли.

Чайковский. Ваше здоровье, господа!

Медленно пьет. Музыка. Темнота.

12.

Верхняя палуба «Бисмарка». Дама с биноклем рассматривает отдаленный берег. Дама с зонтиком смотрит в противоположную сторону.

Дама с биноклем. Чудо, какие красоты! Лодочки рыбацкие.. Как скорлупки. Боже, сколько их! Приветствуют нас. *(Машет рукой)*.

Дама с зонтиком *(интригуяюще)*. Не туда глядишь, милая.

Дама с биноклем быстро оборачивается, наводит окуляры туда, куда смотрит Дама с зонтиком.

Дама с биноклем. Что? Где?

Дама с зонтиком. Проворонила, голубушка. Ой, что я только что узрела!

Дама с биноклем. Сгораю... Ну, не томи... Что?

Дама с зонтиком. А то, что Чайковский подошел все-таки к юному графу Стенбоку. Вот!

Дама с биноклем (*разочарованно*). И все?

Дама с зонтиком. Тебе мало?

Дама с биноклем. Почему ты сказала: «Все-таки подошел»?

Дама с зонтиком. Глядишь только в свои окуляры. А того, что под носом, не замечаешь.

Дама с биноклем. Что ты имеешь в виду?

Дама с зонтиком. Тебе не кажется, что Петр Ильич оказывает этому юноше особое внимание.

Дама с биноклем (*насторожилась*). И что же?

Дама с зонтиком (*загадочно*). Абсолютно ничего. Но стоит нашему мэтру увидеть юного графа, он тотчас преображается. Глаза сияют, на лице робкая улыбочка... А за табльдотом... ты тоже не заметила? Вилкой тычет, тычет впустую... А сам глаз с него не сводит. Смех да и только! Вот сегодня наконец, осмелился и подошел. Стояли оба на корме и о чем-то ворковали. Как влюбленные.

Дама с биноклем. Это намек?

Дама с зонтиком. Абсолютно.

Дама с биноклем. А я.. Не хотелось поднимать эту тему... Но я слышала... (*Что-то шепчет на ухо*). Может, это сплетни, не знаю. (*Снова шепчет*). Поэтому и жена сбежала от него.

Дама с зонтиком. Ужас.

Дама с биноклем. Ее можно понять.

Дама с зонтиком (*задумавшись*). И вот что еще я заметила. Юный граф Стенбок, как мне показалось, был очень благорасположен... к этой беседе.

*Они многозначительно переглядываются.
Подходит Дама с веером. Она радостно возбуждена.*

Дама с веером. Ура, голубушки, ура! Капитан, наконец, внял нашим просьбам. Будет бал!

Дама с биноклем. Шарман!

Дама с веером. Грандиозный бал-маскарад! С иллюминацией! Послезавтра!

Дама с биноклем. Какая прелесть!
Дама с зонтиком. Как послезавтра? А костюмы?
Дамы. Костюмы! Костюмы!
Дама с зонтиком. А вдруг будет качка, как вчера ночью?
Дама с веером. Капитан сказал: «Wir tanzen bei jedem Wetter!»
Дама с биноклем. При любой погоде! Танцуем! Ура!

*Разбегаются. Некоторое время сцена пуста.
Появляется Чайковск и й. Он в светлом летнем
костюме, в котором мы уже видели его на палубе.
Погруженный в свои думы, медленно подходит к
скамейке, садится.*

Чайковск и й. Ты думаешь, мой дорогой мальчик, я помню сейчас все, о чем мы с тобой говорили? О нет! Да разве это было главным? Счастье было в другом: ты стоял рядом со мной, так близко, что мне казалось, я слышу биение твоего сердца.. Ах, да ... Что-то говорил о моей музыке. Первый концерт тебе понравился. Потом ты вспомнил и даже слегка напел адажио из Четвертой симфонии, назвал и еще что-то из моих сочинений. Не скрою, твои похвалы были мне приятны. Даже вдвойне, втройне, ибо исходили не от лицемерных критиков, а от тебя. В твоих удивительных васильковых глазах была обворожительная детская чистота и искренность. Немножко поговорили о книге, которую ты оставил на скамейке. Она для меня явилась счастливым предлогом познакомиться с тобой. Книга называлась «Великие греки и римляне», по какой-то случайности мы заговорили о Сократе. Знал ли я тогда, что через некоторое время и мне, как этому древнему мудрецу, прикажут выпить смертельную чашу? За тот же, собственно, грех... «Они убили безвинного», - сказал ты. - Рыжий не виноват в том, что он рыжий. Его сделала таким природа». Я почувствовал, как на мои глаза накатались слезы. Ты словно разгадал мои затаенные мысли. Еще секунда, и я мог бы обнять тебя, родную, близкую душу - прямо здесь, на палубе, где видят нас десятки глаз. Но я этого не сделал. Я отвернулся, чтобы ты не мог заметить моих слез, и убежал. По-моему, даже не попрощавшись. Но сердце мое ликовало: я нашел тебя, мой принц, мой стеклянный мальчик, нашел!

Из темноты вышла Фанни, присела рядом с ним. В руках у нее рукоделие. Она вяжет на спицах, разговаривая как бы сама с собой. Чайковск и й с задумчивой улыбкой слушает ее - это видение.

Фанни. Ты не такой, как другие мальчики, Пьер. Будто сделан из стекла. И сердце твое - чистый хрусталь. Заденет кто-нибудь - и разобьется на мелкие осколки. Ле гарсон де витр. Стеклянный мальчик.

Внизу появляется А н т о н и н а И в а н о в н а.

Тяжко тебе будет, Пьер. Люди вокруг злые, безжалостные. Они не из стекла сделаны.

Ч а й к о в с к и й (*тоже сам себе*). Что же я, один на Земле такой? Как ты говоришь – стеклянный?

Ф а н н и. Может ,и найдешь другого. Подобного себе..Дай тебе Бог.

Ч а й к о в с к и й. Кажется, нашел .

Ф а н н и сворачивает рукоделие и удаляется.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Не думай, Петенька, что я тебя позабыла...

Он вздрогнул, услышав ее голос. Улыбка тут же слетела с губ.

Чувствую я, ты меня не любишь. Мучает это меня, терзает и не дает покоя . Знай, дорогой мой: ты для меня составляешь все в мире. И никакие силы не заставят разлюбить тебя. Всей душой и телом я тебе принадлежу, делай со мной что хочешь. Мне, чтобы ты знал , предлагают руку и сердце некоторые очень достойные люди: квартальный с Тверской-Ямской улицы, фершал Матвей Матвеич, хоть и в возрасте мужчина, но очень хороший человек. И другие многие. Потому что я, Петенька, не поддаюсь своему девичьему горю, а сумела себя сберечь и еще красивше стала. Давай встретимся, поговорим с тобой как законные муж и жена. Целую тебя бесчисленное количество раз, хотя и заочно. И еще хочу сказать тебе, что твоя миллионерша, эта самая Филаретовна ,ко мне людей подсылала, чтобы я от тебя отступилась, а она за это мне заплатит. Но я же, Петенька, не такая дура, я ведь Чайковская. Чайковская я. Навсегда и навечно!

13.

В вольтеровском кресле сидит Надежда Филаретовна фон-Мекк. В черном, лицо волевое, умное, некрасива.

Надежда Филаретовна. Мой доверенный встретился с вашей женой..

Появился Чайковский, встал поодаль. Он ее не видит.

Ч а й к о в с к и й. Умоляю, не произносите этого слова. Я ведь до сих пор нахожусь в состоянии безумия.

Н а д е ж д а Ф и л а р е т о в н а. Поверьте, Петр Ильич, я страдаю вместе с вами. Могу признаться... Когда вы женились, мне было ужасно тяжело, у меня как будто оторвалось что-то от сердца. Знайте же ,я ревновала вас-да,да!-ревновала самым непозволительным образом: как женщина – любимого человека. Странно, не правда ли? Ведь мы ни разу с вами не виделись и вряд ли повидаемся в будущем... Но это была именно ревность. Мне было больно, горько, мысль о вашей близости с этой женщиной была для меня невыносима, и знаете ли, какой я гадкий человек?-я радовалась, узнав о вашем разладе... Я упрекала себя за это чувство, но тем не менее уничтожить его я не могла. Человек не заказывает себе своих чувств, правда? Я ненавидела эту женщину за то, что вам было с ней нехорошо, но... Если бы вам было с ней хорошо, я ненавидела бы ее еще больше! Мне казалось, что она отняла у меня то, что может быть только моим, на что я одна имею право, потому что ...люблю вас как никто, ценю вас выше всего на свете. Если вам неприятно все это узнать от женщины, которая много старше вас, от матери одиннадцати детей и ,слава тебе, Господи, уже бабушки... простите меня и давайте обратимся к нашим житейским делам. Так вот, Петр Ильич, известная вам особа соглашается на развод. Сошлись на десяти тысячах.

Ч а й к о в с к и й. Это немыслимо! Она... Она рехнулась! Мне столько не заработать и за десять лет.

Н а д е ж д а Ф и л а р е т о в н а. Это мои проблемы.

Ч а й к о в с к и й. Но вы и так, милый друг, щедро помогаете мне.

Н а д е ж д а Ф и л а р е т о в н а. Что же в этом зазорного? Я миллионерша, а высокому искусству всегда нужны меценаты.

Ч а й к о в с к и й. Но у меня другой случай.

Н а д е ж д а Ф и л а р е т о в н а. Отнюдь, дорогой мой Петр Ильич. Я хочу , чтобы вы вырвались из положения притворства и обмана, это так нужно для вашего творчества.

Ч а й к о в с к и й. Но бракоразводный процесс у нас, в России, и есть вопиющий и постыдный обман. Я разговаривал с юристами... Оказывается, для процедуры развода надобно разыграть тяжелую, цинически грязную сцену, которая на их языке называется п р е л ю б о д е я н и е. Потом один из так называемых свидетелей должен написать моей... этой особе письмо с изложением подробностей этой сцены. В заключение я и эта особа должны предстать для допроса перед судом. Это невыносимо!

Н а д е ж д а Ф и л а р е т о в н а. Какой же выход?

Ч а й к о в с к и й. Они хотят окунуть меня с головой в корыто грязи и лжи. *(Нервно курит, ходит взад-вперед)*. Не буду участвовать в этом фарсе! Пусть все остается как есть!

Н а д е ж д а Ф и л а р е т о в н а. До тех пор, когда вы, может быть, полюбите другую женщину?

Ч а й к о в с к и й. Хватит с меня одной Антонины Ивановны. Сыт по горло.

Надежда Филаретовна (*после небольшой паузы*). А ведь знаете, Петр Ильич, не в ней дело. Мне кажется, вы просто не можете полюбить женщину.

Чайковский (*крайне удивлен*). Это почему же?

Надежда Филаретовна. У вас есть одна, но пламенная страсть...

Чайковский (*обеспокоенно*). И вы верите этому? Вы ... мой лучший друг?

Надежда Филаретовна (*после длительной паузы*). Вы слишком любите музыку, Петр Ильич, для того, чтобы полюбить женщину...

14.

У Апухтина. Хаотический беспорядок. Поэт лежит на диване.

Послышался дверной звонок. Еще один, другой. Наконец

Апухтин слегка шевельнулся, со стоном сел на

кровати, дотянулся до массивной трости с

набалдашником и, опираясь на нее, тяжело заковылял к двери.

Входит Чайковский, бросил на стул пальто и шляпу

, обнял Апухтина. Минуту оба стоят молча.

Апухтин. Еще не покойник, Пьер, но уже кандидат. (*В его глазах слезы*). Извини, я лягу.

Идет к дивану, со злостью швыряет трость, кряхтя ложится.

Чайковский (*в зал*). Времени мало, мой мальчик, я пишу сбивчиво, непоследовательно, мне важно успеть все рассказать тебе. На третий день как наш «Бисмарк» прибыл в Петербург, я поехал к Леле Апухтину. Он был смертельно болен. Я знал, что дни его сочтены. Чувствовал это и он сам.

Резко обернулся к дивану, сел в кресло рядом с Апухтиным.

Апухтин. Глазки закрыть приехал?

Чайковский. Бог с тобой, Леля, не говори так.

Апухтин. А как, Пьер? Как? Зашла, не постучавшись, и сидит здесь рядом.

Чайковский. Кто?

Апухтин. Не разумеешь будто? Гадина курносая. Когти

выставила, сволочь, и ждет своего часа. (*Показывает в угол*). Вон она! У-у-у-у!

А теперь там! Не видишь? (*Замахивается*). Не подходи, зашибу! (*После паузы*). У меня водянка, Пьер. И нет от нее спасения.

Ч а й к о в с к и й. Лелька, милый, да ты поправишься еще. Увидишь!

А п у х т и н. Утешать приехал? Или жалеть? Не надо, голубчик, не надо. Я гордый. На жизнь смотрел с презрением, а на смерть – тьфу! *(С трудом сел на диване)*. Жил, жил, а когда в собственную могилу заглянул, так и вспомнить нечего. Стишки, пирушки, амурные шалости. . . . . Вот, помнишь? *(Достает с тумбочки бутылку)*. «Вдова Клико», нектар! Любимейший напиток нашей юности. А в нем у меня знаешь что? «Медвежьи ушки», мочегонка. Алексей Апухтин теперь не писатель, а только . . . мо-че-ис-пус-катель! *(Хохочет)*.

Ч а й к о в с к и й. Ты писал чудные стихи, Леля.

А п у х т и н. Второй Пушкин, да? Так, кажется, меня нарек Тургений - гений? Не оправдал, брат, знаю, не оправдал.

Ч а й к о в с к и й. Ведь писал от случая к случаю, Леля.

А п у х т и н. По вдохновению.

Ч а й к о в с к и й. А надобно было трудиться, как сапожник тачает свой сапог: каждый божий день.

А п у х т и н. Ты как наивная институтка, продолжаешь верить в труд! Я не сапожник, Пьер, я поэт. Труд есть величайшее наказание, посланное на долю человека.

Ч а й к о в с к и й. Вот потому-то за последние десять лет ты не написал ни строчки.

А п у х т и н. Имею я, черт возьми, право на депрессию? А впрочем. . . *(Пытается привстать)*. Помоги.

Ч а й к о в с к и й поддерживает его, А п у х т и н тяжело приподнимается, подходит, опираясь на палку к этажерке. Роемся в бумагах, падают на пол книги. Наконец вытягивает небольшую пачку исписанных листов и протягивает ее Ч а й к о в с к о м у.

Не такой уж я бездельник, видишь? *(Садится на диван)*.

Ч а й к о в с к и й *(глядя в рукопись)*. «Реквием»? *(С недоумением смотрит на него)*.

А п у х т и н. У кого что болит. . .

Ч а й к о в с к и й перелистывает страницы.

Не хочешь сочинить музыку?

Ч а й к о в с к и й продолжает листать рукопись.

Долгое томительное молчание

Стихи поганые, да?

Ч а й к о в с к и й. Не в этом дело, Леля. Стихи как раз неплохие, есть искренность, страсть. Но не со всем могу согласиться.. вот, например... Ты пишешь о Боге... Он у тебя здесь злой-каратель, мститель. Извини меня, но во мне другой Бог. Тот ,кто вызывает слезы и восторг.

А п у х т и н. Бог –грозный судия, а не добренький старец. Ложью, елеем оболгали вы своего Бога. (*Вырывает рукопись, бросает в угол*). Все! Потомки рассудят.

Ч а й к о в с к и й. Не сердись, Алексей. Есть и еще одна причина. Я... я уже написал свой реквием.

А п у х т и н. Ты? То же? Не рано ли?

Ч а й к о в с к и й. Это моя Шестая симфония. Наверное, последняя. Пишу ее со слезами на глазах. Она о том, для чего я жил на этом свете. О том, что и я умру-и , вероятно, совсем скоро . Гляжу на себя со стороны и горько, поверь. Ведь ничего стоящего не успел сделать.

А п у х т и н. Не фиглярничай, Пьер! На нашем музыкальном Олимпе ты как Пушкин и Лермонтов вместе.

Ч а й к о в с к и й. Брось, Леля, брось... Мечтал когда-то до Моцарта, до Бетховена дотянуться... Где уж там! Полистаешь свои старые партитуры – такая, брат, постыдная банальщина!

А п у х т и н. «Пиковая дама», что ли, банальщина? Зачем наговариваешь на себя? А «Лебединое»? А «Иоланта»?

Ч а й к о в с к и й. Казню себя и вечно казнить буду за «Вакулу», за «Опричника». А «Воевода» что-лучше? Это, брат, не оперы, нет. Это уголовные преступления!.. У тебя есть что-нибудь... кроме «медвежьих ушек»?

А п у х т и н. Возьми там, на полочке.

Ч а й к о в с к и й ставит на стол бутылку вина, два бокала. Посмотрел их на свет, протер носовым платочком. Налил.

Ч а й к о в с к и й. Твое здоровье, Леля.

А п у х т и н. Обожаю юмор.

Пьют.

Ты еще горы своротишь, Пьер. Жаль, я не услышу. Туда ... (*постучал тростью об пол*) звуки плохо доходят. Вот что... Не надо тебе «Реквием» писать. Даже попросишь-не дам. Плохая примета. Помнишь Моцарта? Вот и гони от себя эту чушь. Как можно подальше. Должен сказать, Пьер, видок у тебя вполне молодецкий. Морское путешествие явно на пользу. Раздышался, развлекся, да? Были какие-то неожиданные встречи? Что ты молчишь?

Ч а й к о в с к и й отходит в сторону.

Ч а й к о в с к и й (в зал). Мог ли я рассказать ему о том, что произошло на «Бисмарке»? О тебе, мой стеклянный мальчик, мой солнечный Аполлон? О карнавале на пароходе и той ночи, первой и последней? О том, как я был вознесен в заоблачные выси и тут же низринут в адскую бездну? Впрочем, до бездны оставалось еще несколько недель и мои друзья-правоведы еще не явились ко мне в гости. Я находился на вершине счастья, мечтал о новой встрече с тобой, и Леля, зоркий и прозорливый, как все поэты, это почувствовал. И все понял...

А п у х т и н. Иди сюда, Пьер.

Ч а й к о в с к и й подходит к дивану, усаживается на стул.

Я не буду спрашивать: кто? Зачем? Я вижу: ты счастлив. Раньше, когда ты уходил, когда изменял нашей дружбе, я страдал. Помнишь? (*Берет гитару, поет*).

Забыть так скоро, Боже мой,
Все счастье жизни прожитой!
Все наши встречи, разговоры
Забыть так скоро, забыть так скоро!

(*Перебирает струны*). Я изливал душу в стихах и слал их тебе вдогонку.

Ч а й к о в с к и й. А я их возвращал тебе. Уже с музыкой.

А п у х т и н. И мы мирились.

Играет. Оба поют.

Забыть любовь, забыть мечты,
Забыть те клятвы, помнишь ты,
В ночную пасмурную пору?
Забыть так скоро, так скоро! Боже мой...

Ч а й к о в с к и й. Иногда я думаю-какие мы с тобой бедные люди. Прожили свой век, не испытай ни на единую секунду обычного людского счастья.

А п у х т и н. Говори лучше –мещанского. Но ты ведь отведал его. Варенье из брусницы оказалось не по вкусу? Горьким, как хрен с горчицей? (*Усмехнулся*).

Ч а й к о в с к и й. Ты был прав, голубчик. Ничего нет бесплоднее, чем идти против своей натуры. Такое мог сделать только круглый дурак, тряпка, сумасшедший. Как я.

А п у х т и н. Граф Лев Николаевич, коего я почитаю почти как тебя, сказал, как всегда мудро. Мир движется вперед, изрек он, благодаря тем, кто страдает. Останься ты с этой стервой...

Ч а й к о в с к и й. Она ни в чем не виновата.

А п у х т и н. Останься ты с ней и народив кучу маленьких Чайковских, ты бы убил большого Чайковского. Се-бя! А посему ликуй, что она от тебя отцепилась.

Ч а й к о в с к и й. Если бы! Она врывается в мой дом, устраивает скандалы, угрожает.

А п у х т и н. Все понятно. Ты известный и богатый. Она требует денег.

Ч а й к о в с к и й. Я ей даю. Когда сотню, когда тысячу.

А п у х т и н. Заглатывает как акула. И все, наверное, мало. Наглая! Эх, будь я в прежней силе, я бы ей, стерве!..

Делает резкое движение и валится с дивана.

Ч а й к о в с к и й. Леля!!! *(С трудом поднимает его).*

А п у х т и н *(тяжело, прерывисто дышит)*. Видишь, какая руина. Не месяцы, дни остались. Может, столько, сколько пальцев на руках. А может, и одной руки хватит. Помнишь, Пьер, Валаам? *(Берет руки Ч а й к о в с к о г о в свои, нежно гладит их)*. Звезды, вечный покой, белый скит, часовенка.. И кроме Пьера и Лели никого, никого... Знаешь... Скажу тебе как на исповеди. Всю жизнь лишь одним тобой жил... *(Порывисто целует его пальцы)*. Приходи на мою могилку. Часто не надо, времени у тебя не будет... Но хоть по весне, когда цветы вокруг...

Аккорд гитары. Затемнение.

15.

За ломберным столиком А д в о к а т и Т а й н ы й с о в е т н и к. Лениво перебрасываются в карты. Появляется П р о к у р о р. В руке несколько листов бумаги.

А д в о к а т. Написал?

П р о к у р о р *(трясет листами)*. Все честь по чести.

Т а й н ы й с о в е т н и к. Дай-ка... *(Берет у П р о к у р о р а листы бумаги, надевает очки)*. Так... «Завещание... Я, Чайковский Петр Ильич, находясь в здравом уме и твердой памяти...»

П р о к у р о р. Насчет здравого ума большой вопросительный знак.

А д в о к а т. Его можно понять. Думал ли он о таком конце?

Т а й н ы й с о в е т н и к. Раньше надо было думать. *(Продолжает молча читать завещание, шевелит губами)*.

А д в о к а т. Несчастный.

П р о к у р о р. Пусти еще слезу, Лева. *(Т а й н о м у с о в е т н и к у)*. Зачем мы его взяли?

А д в о к а т. Ах, так... Извольте-с... *(Надевает шляпу, кашне)*. Адью!

Т а й н ы й с о в е т н и к.Верно говорят:трус-это тот,кто в минуту опасности думает ногами.Тебе плевать на честь нашего училища...

П р о к у р о р. И всей России.

Т а й н ы й с о в е т н и к..Чего стоишь?Свободен.Сами управимся.

А д в о к а т.А вам,господа,не жаль его?

Раздается громкий выстрел.П р а в о в е д ы ошарашены.П р о к у р о р и Т а й н ы й с о в е т н и к поспешно выбегают.А д в о к а т крестится.Губы его шепчут молитву.Нарастает стук метронома.

Появляется Ч а й к о в с к и й.Он оголен до пояса. Волосы упали на лоб.Невидящий,устремленный в себя взгляд.Бледен.С обеих сторон его поддерживают П р о к у р о р и Т а й н ы й с о в е т н и к.Медленно подводят к креслу,бережно усаживают.

А д в о к а т .Петр Ильич!(Бросается к нему,но остальные двое его оттесняют).

Т а й н ы й с о в е т н и к.Что же ты так,Петя?Пальнуть в себя решил?Ай-яй-яй.

П р о к у р о р.Нехорошо,брат.Ведь обещал.

Т а й н ы й с о в е т н и к.Договор –святое дело.

П р о к у р о р.Пуля-она,известное дело,дура.Счастье,что промазал.Успокойся,голубчик.

А д в о к а т наливает в чашку воды из графина,подходит к Ч а й к о в с к о м у. Тот делает отрицательный знак.

Т а й н ы й с о в е т н и к. Из э т о й чашки он не будет.Непонятно,что ли?Уже испил свое.Может,папирску,Петя?А?Угадал?Чтобы нервишки утихомирить.(Открывает портсигар).От Андреева,табачок турецкий,бери.Ну что же ты?

А д в о к а т достает с лежащий на рояле коробок с папиросами.

Ч а й к о в с к и й берет одну,А д в о к а т подносит зажженную спичку.Ч а й к о в с к и й затягивается,курит.

П р о к у р о р.Слава тебе,Господи, живехонек.А то ведь ой как нескладно могло получиться.

Т а й н ы й с о в е т н и к.И нас бы по головке не погладили,и твое,Петя, грядущее бессмертие,как говорится,тю-тю.А мы тебе такие,брат,похороны устроим...

А д в о к а т.Прекратите!

П р о к у р о р.Надобно ознакомить Петра Ильича,коим образом все произойти должно.

Т а й н ы й с о в е т н и к.Время пришло,ты прав.Слушай,Петр Ильич.Чтоб никто и подумать не мог,что тебя будто бы...это самое...

П р о к у р о р.Ну про пилюлю,то-есть...Чтобы никто...

Т а й н ы й с о в е т н и к.Поедем сейчас в ресторан.К цыганам или к Лейнеру,как скажешь.Пьем,веселимся,за твое здоровье тосты говорим.Народу вокруг куча,все,ясное дело,на Чайковского смотрят...А ты,Петя... Слушай внимательно...Мы же правоведа,все мелочи,все до единой маленьки детали должны быть учтены.Вот посреди нашего пира ты что есть силы, громко,на весь зал,крикнешь: «Эй,официант,воды мне!»А тот принесет тебе графинчик и скажет: «Вода невываренная,Петр Ильич.Не рекомендуется».А ты засмеешься и скажешь: «Не стражай,братец,никакая холера меня не возьмет». Громко, чтоб все вокруг слышали.

П р о к у р о р.А мы за столом тоже громко: «Не пей,Петр Ильич,не пей!»А ты –хлобось!Стакан,другой.С куражомь - не боюсь,мол.

Т а й н ы й с о в е т н и к.Ну а к вечеру уже начнется.Заработает наш славный индийский паучок.Все,учти, как при холере.*(Вынимает блокнотик,листает)*. Сперва рвота и судороги.Температура,конечно.Приезжают врачи. Консилиум.Никакого сомнения-холера.Впрыскивают тебе мускус, тонин, прочее... *(Прокурору)*. Что еще?Запоматовал.

П р о к у р о р.Потом на простыню -и в горячую ванну.

Ч а й к о в с к и й.Нет!

П р о к у р о р.Что –нет?

Ч а й к о в с к и й.Ванну не надо

Т а й н ы й с о в е т н и к.В чем загвоздка?Не все ли тебе равно,Петя? Ну,хорошо,поговорим с медициной.*(Делает пометки в блокноте)*.Думаю,уважим твое предсмертное пожелание.

Бьют часы.Двенадцать ударов.

Время в ресторацию ехать.Приводи себя в должный вид,Петр Ильич.Через полчаса выезжаем.

П р а в о в е д ы выходят.

Ч а й к о в с к и й *(шепчет)*.Мама...

Музыкальный аккорд.

Мама!(Кричит).Ма-ма!!!

*Появляется М а м а.На плечах большая черная шаль.
Протянуты вперед руки.Словно ищет дорогу в мерцающем
неверном свете.
Медленно приближается,становится позади него.Ласково
провела ладонью по волосам.Он закрыл глаза,улыбнулся.*

Милая моя...прекрасная...

М а м а.Петушок...Славный ты мой.

Ч а й к о в с к и й. А знаешь...Я буду умирать так же,как и ты,мама.

М а м а.Неужто...холера?

Ч а й к о в с к и й (после паузы).Вроде...Сколько мне годочков было в ту пору? Когда ты...

М а м а.Не помнишь?(Задумалась) . Думаю,лет тринадцать,четырнадцать.

Ч а й к о в с к и й.Ты лежала ,помню,на втором этаже.Нас не пускали .Мы стояли под дверью и слышали твои слабые стоны.И я,и Модест,и Толя,и Саша... А папа неотлучно находился с тобой.

М а м а.И подхватил заразу.Уж как я его гнала!..

Ч а й к о в с к и й.Он остался жить ,мама.

М а м а. Хоть было на кого оставить вас,сироток.Послушай, Петушок... Может и тебя,Бог даст,эта напасть минует.Буду молиться,сынок,за тебя. А я вот за три дня сгорела.

Ч а й к о в с к и й.На третий день,помню,тебе лучше стало.Доктор сказал нам: «Дети,радуйтесь,опасность миновала.Сейчас сделаем горячую ванну и ваша мамочка снова станет здоровой».

М а т ь.Они понесли меня на простынях в ванную комнату.Вода обожгла меня.Я стала кричать: «Выпустите меня,я умираю!»И вот...больше я ничего не помню.

Ч а й к о в с к и й.Не надо было этой проклятой ванны!Не надо!

Появляется Т а й н ы й с о в е т н и к с блокнотиком в руках.

Т а й н ы й с о в е т н и к.Не надо,так не надо.Я же записал,Петя. Согласно твоему последнему волеизъявлению.Хотя,с другой стороны, репортеришки газетные и прочая публика поднимут вой: неправильно, мол,лечили,не все сделали для спасения великого композитора. Ладно,посоветуемся с эскулапами.(Вынул карманные часы,посмотрел). О,время!Надобно торопиться,дорогой.(Исчез).

Ч а й к о в с к и й. В тот день,когда тебя похоронили,мама,закончилось детство.И уже более никогда не возвращалось.

М а м а. Я не успела ни причаститься, ни перекрестить вас... Ты был, Петушок, самым любимым. Лучшая жемчужина моя. Я всегда знала и верила, что тебя ждет слава. Великая слава. Я горда тем, что я тебя родила.

Ч а й к о в с к и й. Доживи ты до нынешнего дня... Уж не знаю, гордилась бы ты мною или наоборот...

М а м а. О чем ты, сынок? Я тебя не пойму.

Ч а й к о в с к и й. Ты хоть знаешь, кого ты произвела на свет Божий, мама? «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь...»

М а м а. Замолчи!

Ч а й к о в с к и й. Они приговорили меня к смерти за то, что я не такой, как они. Я урод, мама! Урод! Ты меня родила таким! Зачем, мама, зачем?

М а м а. Не хочу слышать твоих дурацких слов. Я родила гения. Петра Ильича Чайковского!

Фигура М а м ы растаивает в темноте.

Ч а й к о в с к и й (вслед). Мама! Богиня! Где ты? Не уходи!

А д в о к а т вносит смокинг и белую сорочку.

А д в о к а т. Оденемся, Петя.

Ч а й к о в с к и й надевает рубаху, повязывает галстук.

Бьют часы.

Ч а й к о в с к и й. Вот что, Лев. Просьба к тебе. (*Бережно взял с рояля красивые настольные часы*). Это она подарила, Надежда Филаретовна. Я, как ты, наверное, знаешь, многим ей обязан.. Можно сказать , всей жизнью. Почитай, брат, тринадцать лет мы с ней писали друг другу, ни разу не видевшись... Не будь ее, пожалуй, не было бы Чайковского. Так вот, часики эти... Видишь, Жанна д Арк на коне, с пикой. Чудо, лиможская эмаль... А гравировка. Подарила, когда я «Орлеанскую деву» сочинял. Для вдохновения. Так вот... Хочу ей эти часики вернуть. На память обо мне. Думаю, ты увидишь ее на моих похоронах..

А д в о к а т (после паузы). Вряд ли. Она , Петр Ильич, в Ницце.

Ч а й к о в с к и й. Не беда. Передашь, когда приедет.

Отдает часы А д в о к а т у. Тот в явном замешательстве.

Знаю, что она с тобой в добрых отношениях, ты помогал ей в каких-то запутанных судебных делах, посему рассчитываю на тебя.

А д в о к а т. Не уверен, пожелает ли Надежда Филаретовна принять назад эти часы.

Ч а й к о в с к и й. Господи, но почему же? Почему?

А д в о к а т. Я дружен с ее секретарем, Петр Ильич. С Пахульским. И насколько мне известно, прежних восторженных чувств к вам со стороны Надежды Филаретовны... в настоящее время не имеется.

Ч а й к о в с к и й. Да, наша переписка внезапно прекратилась. И денежная помощь тоже. Но ведь она, я слышал, испытывает определенные материальные затруднения. Я ничуть на нее не обиделся. Слава Богу, давно уже независим. Написал ей, она не ответила. Жаль..

А д в о к а т (*ставит часы на рояль*). А ты не догадываешься?

Ч а й к о в с к и й. Чтобы она отреклась от меня, предала? Никогда! Она святая женщина.

А д в о к а т. Она-то святая. Но ты грешен. И ей об этом постарались рассказать.

Темнота.

16.

*В пятне света Антонина Ивановна и
Полицейский чин.*

А н т о н и н а И в а н о в н а (*притворно-ласково*). Не гони нас, Петенька. Мы с Порфирием Кузьмичем забежали к тебе на несколько минуток.

Подходит к роялю, нежно гладит его лакированный бок, и весь последующий разговор ведет только с инструментом, так как Ч а й к о в с к о г о на сцене нет.

.Докучать тебе своим присутствием долго не будем. Знаем, что ты день и ночь в трудах проводишь.

П о л и ц е й с к и й ч и н. Дело порешим-и айда восвояси.

А н т о н и н а И в а н о в н а (*представляя его*). Супруг мой как бы теперь.

П о л и ц е й с к и й ч и н (*щелкнув каблуками и выпятив грудь*). Гвоздопятов Порфирий Кузьмич. Сожитель ейный. А супруг законный –вы, ваше благородие, господин Чайковский.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Мыкалась да маялась я, одинешенька, тобою брошенная, Петя. Да Господь сподобил -доброего человека повстречала на жизненном своем пути. Был Кузьмич мой в ту пору в нижних чинах –городовым на Тверской-Ямской улице стоял, с бляхой. А теперь, значит, наверх пошел.

Г в о з д о п я т о в. Надзиратель коридора одиночек в тюрьме Бутырской.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Человек он из себя хозяйственный, добросердечный. И к музыке, наподобие тебя, тоже склонность испытывает.

Г в о з д о п я т о в. На малом барабане.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Сам выучился. Теперь в духовом оркестре охранной части.

Г в о з д о п я т о в. Как вдарю дробью! Марш 12-го кавалерийского полку. Не знаете-с? Трам-трам-трам!

А н т о н и н а И в а н о в н а (с г о р д о с т ь ю). Без Кузьмича у них никакой игры не выходит.

Г в о з д о п я т о в. Ладно, мать. Хватит в уши дуть. Приступай к нашему, как говорится, обоюдному дельцу.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Излагаю. Родила я в марте месяце сыночка. Петром назвали, в честь кого-догадался? Шустрый мальчишенька, третий месяц пошел, а он уже головку держит.

Г в о з д о п я т о в. И вроде бы, сдается, честь отдает.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Так вот, Петр Ильич... Люди мы, как тебе известно, небогатые. Ждем от тебя вспомоществования по случаю рождения маленького.

Пауза. Антонина Ивановна и Гвоздопят в переглядываются.

Что же ты молчишь, Петенька? Жаль мальчонку.

Г в о з д о п я т о в. Удался пацан.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Обожаем мы его. Кузьмич от сынишки не отходит.

Г в о з д о п я т о в. Как вдарю ему дробь на барабане! Да как зайдет он от радости. Ручками-ножками задергает, засучит-маршировать хочет, пострел.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Так что ждем твоего слова, Петя. Не молчи.

Пауза. Гвоздопят что-то шепчет на ухо Антонине Ивановне.

(С угрожающими нотками в голосе). Ежели денег давать не хочешь – усынови. Двоих уже в приют отдала, но то не от Порфирия Кузьмича, а он у меня такой отец горячий...

Г в о з д о п я т о в. Другому бы ни за что сынишку не отдали. Только вам, ваше благородие.

А н т о н и н а И в а н о в н а. Да что же ты молчишь, идол! (Колотит по клавишам). Жизнь мою безвинную изувечил! Где мне было знать тогда, с какой целью подлой ты на мне женился. Чтобы пакости свои от людей скрыть, да? Сторублевками своими рот мне замазать хочешь? А я кричать буду!

Г в о з д о п я т о в. Мы оба кричать будем.

А н т о н и н а И в а н о в н а. У Кузьмича на тебя дело заведено.

Г в о з д о п я т о в. Это точно. Красивый материалчик имеется в наличии.
А н т о н и н а И в а н о в н а. Всем расскажу. А в первую очередь
полюбовнице твоей, миллионерше. (*Остервенело тарбанит по роялю*). Пусть
узнает, кто ты есть на самом деле! Пусть все узнает, все!

17.

*Ч а й к о в с к и й сидит на стуле. В руках у него ча-
сы. Углублен в себя, медленно вращает стрелки.
Один за другим раздаются тяжелые глухие удары.*

Ч а й к о в с к и й. Страшная догадка засела, как гвоздь, в моем измученном
мозгу: неужели она отреклась от меня? Мой лучший друг Надежда Филаретовна?
Единственная на всем белом свете, кто понимал меня. Незримый верный
друг, столько раз клявшийся мне в своей любви... Быть может, оттого что я лично
ее никогда не знал, она представлялась мне идеалом человека, я не мог
предположить, что эта добрая фея способна отвернуться от меня. Мне
казалось, что скорее земной шар может рассыпаться в мелкие кусочки, чем
Надежда Филаретовна пожелает моей скорейшей смерти. ..В том, что часы мои
сочтены, у меня уже не было никакого сомнения. Маленький паучок, когда-то
висевший на серебряной нити в далеком тропическом лесу, уже делал свое дело.

Появляются п р а в о в е д ы. Они в верхней одежде.

Час пробил, мой мальчик. За мной пришли, меня торопят. (*Встает, ставит часы на
рояль*).

Т а й н ы й с о в е т н и к. Время в ресторанцию ехать, Петр Ильич.

П р о к у р о р. Не забудь там воды попросить, как договорились.

Ч а й к о в с к и й. Последние строки... Пишу их нарочно большими
буквами. Знай, ты ни в чем не виноват, не терзай себя. Встретились звездочки в
ночном небе-на секунду-и ...нет уже этой секунды, она принадлежит вечности.
Так было угодно судьбе.. Так было угодно Богу..

А д в о к а т подает ему пальто, шляпу, трость.

Помогает одеться.

*Ч а й к о в с к и й сделал несколько шагов к
выходу. Остановился. Обернулся.*

Последнее, что я увижу... прежде чем агония ...навсегда... будешь
ты, мой стеклянный мальчик, мой принц! Там, на корабельном балу. Прощай и
прости меня.

Быстрым шагом выходит.

Тайный советник и Прокурор следуют за ним. Адвокат чуть задерживается. Подходит к роялю, проводит пальцами по клавишам. Закрывает крышку.

Адвокат. Боже, что мы натворили... (Истово крестится). Господи, прости меня... Господи, прости меня... Господи, прости меня...

18.

Палуба «Бисмарка». Мигают разноцветные фонарики. Духовой оркестр играет вальс. Кружатся пары. Они в причудливых карнавальных костюмах. Здесь и знакомые уже нам Дамы, и Антонина Ивановна с Порфирием Кузьмичем, и Правоведы, и Мама с Фанни, Надежда Филаретовна.

Голос Чайковского (он поет не академически, а задушевно, почти говорит).

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты...

Среди танцующих появляется Принц-стройный юноша в белом одеянии, с золотой короной на голове. Лицо его закрыто маской. Он танцует один и не так, как все остальные - резко, импульсивно. Танцующие, увидав его, отходят в сторону, шепчутся, показывают на него пальцами.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

В глубине сцены появляется Чайковский. Принц, почувствовав его взгляд, оборачивается. Некоторое время они смотрят друг на друга. Медленно сближаются. Танцующие вновь продолжают вальс, закрыв от нас Чайковского и Принца.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид;
А смех твой, и грустный, и звонкий
С тех пор в моем сердце звучит...

*Музыка взрывается крещендо. Кружатся пары.
Мигают разноцветные огоньки.*

К о н е ц